

TATJANA KOLESNICZENKO

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара, Ukraina
t.kolysnichenko@gmail.com

Реконструкция чувствования в лирике Афанасия Фета

Характеризуя современное „культурное сознание”, Мария Виролайнен замечает, что оно „уже перестает вмещать в себя многое и многое. Как правило, ему невнятен язык энергий, которым начинает говорить все сущее — от атома до человека, ему невнятен язык космоса и степень зависимости от него земной жизни, ему невнятен язык тонких связей [...]”¹. Этот тезис находит свое косвенное продолжение в работе современных исследователей, статистически подтвердивших мысль о том, что в XX веке эмоции в литературе стали менее выразительными². Именно поэтому обращение к теме чувств как смыслу культуры представляется актуальным. Такой подход дает возможность педалировать в уже „пройденном” материале русской литературы вневременное и увидеть „тонкие связи”, затрагивающие существование человека. В этом плане особый интерес представляет лирическая поэзия Афанасия Афанасиевича Фета, „единственного оригинального представителя этого рода поэзии в нашей литературе”³.

Чувственный характер лирики А.А. Фета отмечали уже его современники. Вне зависимости от того, видели они в этом положительную характеристику его творчества или отрицательную, неуместную для времени. Так, Василий Боткин писал:

¹ М.Н. Виролайнен, *Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности*, Санкт-Петербург 2003, с. 11.

² А. Acerbi, V. Lampos, P. Garnett, A. Bently, *The Expression of Emotions in 20-th Century Books*, Technical University of Denmark 2013, <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0059030>.

³ А.А. Григорьев, *Русская изящная литература в 1852 году*, [в:] его же, *Литературная критика*, Москва 1967, с. 98.

он уловляет не пластическую реальность предмета, а идеальное, мелодическое отражение его в нашем чувстве [...], если оно имеет предметом изображения природу, главное заключается не в самой картине природы, а в том поэтическом ощущении, которое пробуждено в нас природой⁴.

„В нем бьется живое, горячее сердце, оно не утерпит и отзовется на всякий звук в природе, откликнется на всякий призыв ее”⁵, — отмечал на страницах гражданственного „Современника” Петр Кудрявцев. Представители враждебного „артистической критике” лагеря признавали поэтический дар Фета „в уловлении мимолетных впечатлений” (Николай Добролюбов), при этом сожалели (Николай Чернышевский), раздражались его „эстетическим сепаратизмом” (Михаил Салтыков-Щедрин), приверженностью Красоте.

Такой подход к оценке места творчества Фета в истории литературы закрепился надолго. Со временем негативные коннотации и резкие инвективы постепенно стихали, особенно с допущением иных критериев оценивания, кроме „народности”. В последние десятилетия в Украине „тихие поэты” оказались не в фокусе научного внимания, а стали „школьной программой”, эстетическим удовольствием. В России же в это время наблюдается просто „фетомания”, особенно в связи с юбилейными датами. Творчество поэта активно исследуется по темам (любви, природы), мотивам („опавших листьев”, кота, например), жанрам (антологическая, философская поэзия, фрагмент, цикл), сделан серьезный вклад в анализ прозы, переписки, переводов Фета, уточнены биографические подробности. Особого признания заслуживает начало подготовки 20-томного собрания сочинений А.А. Фета, три из которых уже вышли в печати.

В своей „реконструкционной” практике попробуем выявить трансформацию одного из основополагающих для Фета чувств-концептов в лирике природного дискурса. Используя в качестве методологического ключа для последующего анализа понятие „чувство-концепт”, исходим из следующих соображений. Разграничение терминов чувство и эмоция до сих пор дискутируется. Некоторые исследователи-филологи в своих работах отказываются от их дифференциации⁶ и используют как синонимы или остаются на позиции традиционного словоупотребления: „чувство любви”, „чувство отвращения” и т.д. Анализируя лирику Фета, приходим к выводу, что в данном случае некоторые терминологические условности приобретают принципиальное смысловое значение. Оказывается важным понимание того, что эмоции, предчувства как результат деятельности органов чувств носят бессознательный характер (переживаемое, но не осознанное), затем осознание эмоции приводит к установлению эмоционального отношения и развитию

⁴ В.П. Боткин, *Стихотворения А.А. Фета*, [в:] *Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века*, Москва 1982, с. 486.

⁵ П.Н. Кудрявцев, *Русские второстепенные поэты*, „Современник” 1850, вып. 3, с. 7.

⁶ Е.С. Скляр, *Концептосфера „эмоционального опыта человека” в поэзии А.А. Фета и Ф.И. Тютчева*, автореферат дисс. канд. фил. наук, Курск 2011.

чувства. Интересно, что тонкость таких разграничений была необходима уже одному из первых исследователей Фета — Василию Боткину. Он различал в лирике выражение „безотчетного невольного акта”, практически первобытного неосознанного порыва и высказывание чувства, воззрения, мысли. Особенность Фета-поэта была именно в проявлении первого, хотя иногда даже предельно восторженного Боткина пугали туманности и неясности в его проявлениях:

Иногда г. Фет сам не в состоянии совладеть со своим внутренним, поэтическим побуждением, [...] мотивы г. Фета включают в себе иногда такие тонкие, такие, можно сказать эфирные оттенки чувства, что нет возможности уловить их в определенных отчетливых чертах [...].⁷

О возможности „концептуального статуса Чувства” писал в своих культурологических работах Владимир Топоров⁸. В нашем случае определенное чувствование (восторг, трепет), проявляющееся в лирике Фета, связанной с природой, неразрывно соединяется с идеей молодости, образуя „чувство-концепт”, который мы определим в своей работе как „восторг молодости” (слова можно переставить, что только подтверждает взаимопроницаемость чувства и идеи), т. е. идея молодости у Фета обретает чувственное содержание. Можно было бы использовать для обозначения нашего понятия формулу Петра Вяземского из стихотворения *Первый снег* — „горячность молодая”, но в горячности как характеристике много жара, силы, а у Фета — восторженный трепет. На наш взгляд, именно это внутреннее поэтическое состояние не только провоцирует многие стихотворения поэта разных творческих периодов, но и воспринимается им как жизненная ценность, что и попытаемся доказать.

Восторженная молодость у Фета — это поэтический феномен, а не биографический. Его мемуарная проза, воспоминания современников, подробные сведения о жизни поэта, изложенные Борисом Бухштабом⁹, Валентином Коровиным¹⁰, Ниной Суховой¹¹, Вячеславом Кошелевым¹², свидетельствуют об этом. По сути, жизненный путь Фета — это биография „прекрасного человека” в пушкинском варианте, только с противоположным знаком:

Блажен, кто смолоду был молод [...]
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат

⁷ В.П. Боткин, *Стихотворения...*, с. 482.

⁸ В.Н. Топоров, *Пространство и текст*, Москва 1983, с. 277–284.

⁹ Б.Я. Бухштаб, А.А. Фет. *Очерк жизни и творчества*, Ленинград 1990.

¹⁰ В.П. Коровин, *Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892): Очерк жизни и творчества*, www.p0rtal-slovo.ru/philology/37127.php?PRINT=4.

¹¹ Н.П. Сухова, *Лирика Афанасия Фета*, Москва 2000.

¹² В.А. Кошелев *Афанасий Фет: Преодоление мифов*, Курск 2006.

Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился...¹³

О юности Фета его ближайший друг, первый критик его стихов Аполлон Григорьев вспоминал, как о времени полного отчаяния, доводящего до самоубийства. Очередь чинов, денег постоянно обрывалась перед ним: его обходили чином, он поздно дождался дворянского звания („выпрошенное дворянство”), наследство не доставалось ему из-за невыполненного обещания родственника, выгодная женитьба состоялась почти в 40.

Первые стихотворения и сборники А.А. Фета, принесшие ему известность и видное место в „семье второстепенных русских поэтов”¹⁴, полны созерцательностью, элегической грустью, романсовыми мотивами свидания, встречи, томления, любовных намеков. И все же в финальной части своей рецензии на сборник 1856 года (лучшей, по мнению Александра Тархова¹⁵, из написанных при жизни поэта) Василий Боткин отмечал:

Но мы забыли еще указать на особенный характер произведений г. Фета: в них есть звук, которого до него не слышно было в русской поэзии, — это звук светлого, праздничного чувства жизни [...]. Всякому вероятно знакомы эти мимолетные минуты безотчетно-радостного чувства жизни; г. Фет, так сказать, схватывает их на лету и дает почувствовать в своей поэзии [...]¹⁶.

Отмечая особенности „весенних песен” Фета, в первую очередь, — страстную чувственность, Александр Тархов предлагал рассматривать ее как „сердцевину творчества поэта”¹⁷. Новый „звук”, услышанный Боткиным, зарождается именно в чувственном пласте фетовской поэзии, где в эти годы начинают проявляться и оформляться признаки обозначенного нами чувства-концепта.

Проявления „молодой восторженности” можно наблюдать по нескольким признакам. Во-первых, „молодые чувства” противоречивы, нелогичны, „безотчетны”, как писал Боткин, что свидетельствует об их искренности, первобытной, младенческой, по замечанию того же автора.

Наивная однозначность четко называемой эмоции в этот период начинает расслаиваться на противоположные нечеткие реакции: безотчетное веселье, опьянение, наперекор уму; жар любви, и трепет, и печаль. Восторг — в вибрации чувств, выраженных словом трепет, глагольных формах, утрирующих состояние, которое Фет определил как „шутка-молодость”: „Я не знаю, что такое, — полетел бы из окошка” (с. 216)¹⁸ или „Бегу! Да-

¹³ А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*, Москва 2004, с. 34.

¹⁴ А. Тархов *Лирик Афанасий Фет*, [в:] А.А. Фет, *Стихотворения, поэмы, переводы*, Москва 1985, с. 6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В.П. Боткин, *Стихотворения...*, с. 500–501.

¹⁷ А. Тархов, *Лирик Афанасий Фет...*, с. 6.

¹⁸ Все цитаты по: А.А.Фет, *Стихотворения, поэмы, переводы...*

лекие как бы в вознагражденье/ Шлют звезды в инее свое изображение...” (с. 226), или строки из его „лирического автопортрета” (Тархов):

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой
Рассказать, что отовсюду на меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду петь, — но только песня зреет (с. 29).

Выбранные цитаты показательны. Во-первых, накалом веселья, радости. Приподнятость чувства не имеет конкретного объяснения: оно веет, ощущается. Второй момент связан с природой, только в природном пространстве для Фета в принципе возможна радостная полнота жизни: петь, лететь, бежать, ничего не понимать, не знать и рассказать, рассказать.

Следующий признак связан с тем, что молодые чувства — сильные, бурные — это восторг, упоение, опьянение, трепет, они описаны буквально с физиологическими деталями:

Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый (с. 25).
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье (с. 29).
Я слышу биение сердца, и трепет в руках и ногах (с. 143).

Третий признак „молодых чувств” — это подробности (ощущения, предчувства, чувства). Посмотрим на самые „тонкие, эфирные оттенки чувств” (Боткин) в выделенном им стихотворении *Пчелы*. Общий фон — майское пробуждение природы, переданное одной строкой: „в каждый гвоздик душистой сирени, распевая, вползает пчела”. Это слуховое впечатление, естественно, а не зарисовка, потому что такого не может быть. Оно создается жужжанием пчел, которое совпадает с проявлениями весеннего томления героя: сердце ноет, слабеют колени, с каждым шагом не легче, сердце пышет все боле и боле, словно уголь в груди я несу. И в третьей строфе, последней, — новая волна чувствования, условная причина которого „опять эти пчелы” теперь над черемухой — „и никак я понять не умею, на цветах ли в ушах ли звенит” (с. 77).

Подобное умение Фета довериться в понимании жизни органам чувств тонко подметил идеолог „полноты жизни” Николай Чернышевский.

И есть у него пьесы, очень миленькие. Только все они такого содержания, что их могла бы написать лошадь, если б выучилась писать стихи, — везде речь идет лишь о впечатлениях и желаниях, существующих и у лошадей, как у человека¹⁹,

писал он в одном из писем. Лучшего подтверждения нашей мысли трудно найти.

Прекрасно расположенные к Фету современники — Александр Дружинин, Аполлон Григорьев, Василий Боткин, осознавая его уникальность

¹⁹ Цит. по: Б.Я. Бухштаб, *А.А. Фет...*, с. 39.

в отображении зачатков зарождающихся чувств, „получувств”, все же объясняли это „болезненным эгоизмом” (Григорьев)²⁰, видели в его поэзии чувства, доходящие до болезненности (Дружинин)²¹. Открывшийся нам сегодня фетовский „вектор” поэзии XX века, свидетельствует о другом.

Сосредоточенность Фета на чувственной стороне жизни — проявление его особого дара и поэтической смелости. Ему важно объяснить свой вариант „спасения” от жизненных обстоятельств — усиление человеческого в человеке за счет расширения области чувственного. Причем спасение именно в поддержании эффекта „восторга молодости” как высшего проявления искренности, полноты восприятия, напряженности, а следовательно, силы жизненных проявлений. Подчеркнем, что идея молодости — это у Фета гимн обновлению, началу, весне, первому (первый ландыш, первый луч, первый гром).

„Избыток жизни молодой”, — такую формулу-матрицу из стихотворения *Первый ландыш* (с. 79) можно зафиксировать как проявление исследуемого чувства-концепта в лирике 40–50-х годов.

Особенно откровенно, с „лирической дерзостью” (Лев Толстой) „восторг молодости” проявляется в поздней лирике поэта. При этом акцент с чувств переносится на идею сохранить силу чувств („верь весне!”), которая воспринимается практически как испытание. Чувства теперь не фиксируются, а провозглашаются, сохраняя базовые формулировки:

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду (с. 61).

Формула „избыток жизни молодой” контаминируется здесь с другой традиционной фетовской категорией „трепет”, трансформируясь в „трепет жизни молодой”.

Раннее „веет отовсюду” из цитируемого лирического автопортрета преобразуется в „возрастное” — „внятен отовсюду”.

В поздних стихотворениях спонтанное живое соединение с живым, а для Фета это по-прежнему природа, обретает итоговую „прописанность”: „И счастья ищем мы земного не у людей ” (с. 125); „Учись у них. У дуба, у березы” (с. 49).

Особенно удивительно стремление сохранить жар молодого восторга как основу чувствования:

Я загораюсь и горю
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья.

²⁰ А. Григорьев, *Русская изящная литература...*, с. 87.

²¹ А. Дружинин, *Сочинения А.А. Фета*, [в:] его же, *Литературная критика*, Москва 1985, с. 95.

И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья... (с. 53).

Отметим трансформацию известных формул: томление усилья становится крайним а наивная уверенность в том, что „полетел бы из окошка”, преобразуется в веру сердцем.

В ощущениях природы сохраняется постоянная чувственная напряженность, правда, теперь провоцирующая активность переходит от лирического субъекта к природе:

Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет (с. 132).

Как видим, признаки „молодых чувств” выявляются, но с определенными содержательными изменениями. Само определение „молодые” становится качественным, ценностным. Поэт теперь не только в себе ищет „блаженства и томленья”, а весь окружающий мир проверяет на соответствие этому критерию: „И верить хочется, что все, что так прекрасно/ По небу и душе проходит не напрасно/, Как оправдание стремлений роковых” (1891) (с. 64).

Фет остается приверженцем сильных чувств (мысль несется, сердце бьется, к сердцу кровь опять вернется), но это скорее следование идее, чем непосредственным чувствам. Он понимает, что в прошлом „и звезды крупней, и сильней аромат”. Из его лирики почти уходит „молодая” непоследовательность, безотчетность, а приходит вера в необходимость чувствования для сохранения чувства жизни. Хотя стихотворение *Ель рукавом мне тропинку завесила...*, написанное в последний год жизни, повторяет ощущения молодого восторга, но теперь они названы („шумно, и жутко, и грустно, и весело, — я ничего не пойму” (с. 257)). В поздних стихотворениях он не показывает, а доказывает важность поддерживать в себе „избыток чувства молодого”.

Трансформировавшемуся чувству молодого восторга Фет в *Вечерних огнях* находит поэтическое объяснение — безумство: „нужно безумствовать или смириться”. Безумство, без ума — лирическое преображение юношеской „несосредоточенности”: „я думал, не помню, что думал”.

В одном из ранних стихотворений Фета есть выражение „безумного счастья томительный трепет”. Его можно было бы отнести к общеромантическим штампам, если бы в нем впервые не соединились важные для поэта сигналы. „А больного безумца вдвойне выдают не реченья, а трепет”, — в этой фразе из позднего стихотворения содержится финальная формула в развитии чувства-концепта, включающая изначальные проявления — смыслы — трепет, безумие.

Проведенный анализ нарушает сложившийся в литературно-критическом дискурсе образ Фета как мрачного певца тихой природы, романсового усадебного поэта.

Исследуя „чувственный” пласт лирики А.А. Фета, мы намеренно избегали любовных стихотворений, в которых проявления избытка чувств очевидны. Важно было показать его художнический опыт в реконструкции чувствования как такового (бессознательной реакции на функционирование органов чувств). Как писал Боткин о Фете: „Каждая мелодия не выдумывалась, а невольно выливалась из глубоко возбужденного чувства”²². По нашему мнению, это „возбужденное чувство” можно рассматривать как устойчивое „чувство-концепт”, воплощающееся в разные периоды его творчества по-разному.

В 40–50 годы процесс „уловления чувства” отражал состояние молодого восторга— важнейшего для поэта творческого возбудителя. Формула „молодой восторг” может показаться метафорой, но такая формулировка отражает, по нашему мнению, важнейший смысловой акцент. Молодость с ее чувственным содержанием (искренность, восторженность, возбудимость, изменчивость, открытость, порывистость) становится для Фета важнейшей жизненной ценностью. „Молодой восторг” прекрасен сам по себе, вне зависимости от объекта, вызвавшего его.

В поздний период *Вечерних огней* Фет концептуализирует это чувство, используя и преображая уже найденные поэтические „уловления” (трепет, томленье). Оно оценивается как условие творческого вдохновения, проявление жизненной силы: важно не открыться чувству, а сохранить его в себе.

Выявление в лирике Фета чувства-концепта „восторг молодости” способствует актуализации свойств его поэзии, связующих его с поэтическими открытиями XX века²³. Такой подход дает другое, „чувственное” измерение романтическим поэтизмам (томленье, восторг, трепет, безумие, упоенье), размагничивает штампы, придавая им новые смыслы, обнаруживающие „тонкие связи” человека с окружающим миром.

Reconstruction of a sensation in A. Fet’s lyrics

Summary

The sensual nature of A.A. Fet’s lyrics was recognized by his contemporaries. In 1856 V.P. Botkin detected a special “sound” in his poems, that seemed to be a feeling of festivity. In the context of the suggested theme we can distinguish sense-concept “praise of youth” in the sensual layer of poet’s lyrics, which appears in a series of signs. Youth with its sensual content (delight, excitement, inconstancy, sincerity, impetuosity) is an important life value for Fet, which he stands for throughout his creative development, up to his most recent works. “The raise of youth” does not depend on the object that provokes the feelings, although contextually it mostly depends on natural

²² В.П. Боткин, *Стихотворения...*, с. 494.

²³ См. А.И. Лагунов, *А.А. Фет: от „золотого” к „серебряному” веку русской поэзии*, Харьков 2009, www.philology.univer.kharkov.ua/nauka/e-books/lagunov-fet.pdf.

phenomena. Unlike the lyrics of 40s and 50s, “the raise of youth” is estimated and conceptualized during the period of “Evening Lights.” Detection of established sense-concept in the lyrics of Fet contributes to the actualization of the features of his poetry that are combined with the search of the 20th century poets. This approach gives a new, sensual dimension to the romantic poeticisms, attributes new meanings to words, reveals a fine sense of the connection between the human being and the world.

Keywords: lyrics, sensual layer, sense-concept, transformation.

Реконструкція відчуження в ліриці А.А. Фета

Резюме

Чуттєвий характер лірики Афанасія Афанасієвича Фета був визнаним вже його сучасниками. Ще В.П. Боткіним у 1856 році був помічений особливий „звук” у його віршах — відчуття святковості. У ракурсі запропонованої теми вважаємо за можливе у чуттєвому „зрізі” лірики поета виділити почуття-концепт „піднесення молодості”, який виявляється у низці ознак. Молодість з її чуттєвим наповненням (піднесення, збудження, мінливість, ширість, поривчастість) виступає у Фета важливою життєвою цінністю, яку він відстоює на всьому творчому шляху, аж до самих останніх творів. „Піднесення молодості” не залежить від об’єкта, який провокує відчуття, хоча контекстуально — це, частіше за все, природні явища. На відміну від лірики 40–50 рр. у період „Вечерних огней” „піднесення молодості” оцінюється, концептуалізується. Виявлення в ліриці Фета усталеного почуття-концепта сприяє актуалізації рис його поезії, що поєднують з пошуками поетів ХХ ст. Такий підхід дає інший, чуттєвий вимір романтичним поетизмам, розмагнічує штампи, надаючи словам нові сенси, розтаємничує тонке єднання людини і світу.

Ключові слова: лірика, чуттєвий зріз, почуття-концепт, трансформація.